

УДК 316.454.3

DOI: 10.34670/AR.2020.59.14.018

Психологическая природа толпы в трудах И. Тэна**Горбатов Дмитрий Сергеевич**

Доктор психологических наук, доцент,
профессор кафедры менеджмента массовых коммуникаций,
Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Российская федерация, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9;
e-mail: gorbатов.rus@gmail.com

Байчик Анна Витальевна

Кандидат политических наук, доцент,
доцент кафедры международной журналистики,
Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Российская федерация, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9;
e-mail: annabaichik@gmail.com

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 18-013-00302, «Толпа и личность: историко-психологическое исследование теорий XIX – начала XX вв.»

Аннотация

Статья посвящена анализу понимания феномена толпы французским мыслителем И. Тэном. Особое внимание уделяется характеристике его историко-психологического труда «Происхождение современной Франции» (1876–1893), а также описанию ключевых свойств стихийных социальных объединений в период революционных событий, трактовке образов вожаков бунтующей толпы и изложению тактики их воздействия на ведомых. Особенности восприятия И. Тэном стихийных групп сопоставляются с теориями С. Сигеле, Г. Тарда, Г. Лебона, А. Фурниаля и Л.Н. Войтоловского. Отмечается, что И. Тэн оказал значительное влияние на содержание теорий толпы, появившихся в конце XIX – начале XX вв. При этом констатируется, что под влиянием его идей первые исследователи феномена совершили ряд методологических ошибок. В частности, они неправомерно распространили свойства революционной толпы на иные виды стихийных объединений, некритично заимствовали у своего знаменитого предшественника приемы патологизации бунтующей толпы и стигматизации ее вожаков, некорректно с научной точки зрения использовали концепт расы для объяснения деструктивной активности масс.

Для цитирования в научных исследованиях

Горбатов Д.С., Байчик А.В. Психологическая природа толпы в трудах И. Тэна // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2020. Т. 9. № 2А. С. 157-165. DOI: 10.34670/AR.2020.59.14.018

Ключевые слова

Толпа, исследования толпы, свойства толпы, личность в толпе, вожаки толпы, революционные толпы, коллективная психология, Ипполит Тэн.

Введение

Среди научных, публицистических и художественных публикаций, оказавших влияние на становление первых теорий толпы, особое место занимает многотомник Ипполита Адольфа Тэна (1828–1893) «Происхождение современной Франции» [Тэн, 1907]. Известный историк, социальный философ, психолог, искусствовед и литературный критик непосредственно не разрабатывал теории стихийных социальных объединений, однако не мог проигнорировать роль толп в бурных событиях Великой французской революции. Содержащиеся в его работе яркие примеры, меткие комментарии, убедительные, хотя подчас и тенденциозные обобщения, наложили несомненный отпечаток на восприятие толпы последующими учеными.

Показательно, что Г. Лебон, неохотно признававший заслуги предшественников, с пиететом писал о нем: «самый замечательный из современных историков», «наш великий историк», «великий мыслитель», «великий философ» [Лебон, 1896]. Для этого имелись основания. И. Тэн опередил Г. Лебона в изображении французского национального характера, описании специфики народного воображения и изложении приемов манипулятивного воздействия на толпу; намного раньше Г. Тарда отразил природу революционных «сект» и проследил процессы формирования общественного мнения; задолго до С. Сигеле сделал акцент на антропологических характеристиках активного «ядра» масс и указал на эффект уменьшения интеллектуального потенциала общественных собраний из-за взаимного заражения; предвосхитил трактовку Л.Н. Войтоловским взаимоотношений толпы и ее вожаков; наконец, больше чем кто бы то ни было из числа первых исследователей стихийных объединений уделил внимание значению голода, безработицы, народной нужды в развитии социальных конфликтов.

Рассмотрим особенности психологических воззрений Ипполита Тэна на революционные события, обращая особое внимание на проявления в них феномена стихийных социальных объединений.

Психологизация истории

К работе над «Происхождением современной Франции» И. Тэн обратился под впечатлением Парижской коммуны и поражения во Франко-прусской войне в надежде внести вклад в защиту страны от новых политических потрясений [Richard, 2013]. Как отмечал В.И. Герье, его целью являлось не написание учебника по истории французской революции, но психолого-историческое исследование закономерностей формирования революционного духа от этапа ожидания социальных перемен до актов коллективного безумия времен торжества якобинцев и последующего восстановления государственности. Именно поэтому большее внимание им уделялось настроению различных слоев парижан перед крушением монархии или социальной принадлежности и мотивации «сентябрьских убийц», чем многочисленным военным кампаниям или активности дипломатов [Герье, 1911].

Показателем того, что неоконченное произведение, повествующее об отдаленном прошлом, приобрело злободневный характер, стала реакция представителей политических течений на публикацию очередных томов. Как отмечал Э. Кантеро, в восприятии современников Франция разделилась на «тэнистов» и «антитэнистов». Так, легитимисты, приверженцы династии Бурбонов, предельно негативно оценили «Старый порядок», республиканцы всех мастей обвинили автора в недобросовестности и предвзятости после выхода в свет «Анархии», «Якобинского завоевания», «Революционного правительства», бонапартисты увидели

очернительство в «Новым порядке» [Cantero, 2007]. На стороне И. Тэна выступали все те, кого пугали явные аналогии между давними событиями и текущей социальной ситуацией [Тесля, 2017], в диапазоне от либеральных сторонников идеи общественной эволюции до идеализирующих прошлое реакционеров.

В своих письмах французский мыслитель неоднократно подчеркивал, что в гуманитарных и социальных науках психология должна выполнять ту же роль, что механика – в науках физических. В частности, история способна предоставить психологии массив материала, а психология, в свою очередь, должна быть готова предложить ей арсенал теоретических инструментов, обеспечивающих понимание преобразований индивидов, социальных групп и всего общества в рамках исторического процесса [Richard, 2013]. Иначе говоря, в противовес «ораторской, патриотической историографии» того времени, ориентированной на апологию всей революции или ее отдельных партий и персон [Герье, 1911], он стремился выявить психологические факторы, определяющие поведение людей и развитие событий.

Для раскрытия психологизма исторических воззрений И. Тэна, возможно, вначале стоит обратиться к фразе, которую без особых на то оснований приписывают Т. Карлейлю или, реже, О. Бисмарку: «Всякую революцию задумывают романтики, осуществляют фанатики, а пользуются ее плодами отпетые негодяи». Автор «Происхождения современной Франции» уделил внимание каждой из названных категорий, но в применении к феномену толпы для нас важнее первые и вторые, чем третьи.

Согласно И. Тэну, принципиальной ошибкой проектировщиков революции, кабинетных идеалистов и доктринеров, стало неверное представление о природе человека. В реальности оказалось, что это не рациональное существо, помышляющее об общественном благе и склонное к добросердечию, а «животное, очень близкое к обезьяне, вооруженное клыками, хищное и плотоядное млекопитающее, когда-то людоед, впоследствии охотник и воин. Отсюда в нем постоянный источник зверства, жестокости, инстинктов насилия и разрушения, к этому нужно прибавить... весьма странную потребность резвиться, дурачиться среди опустошений, которые он производит» [Тэн, 1907, т. 1, 173]. Таким организмом управляет отнюдь не разум, но физический темперамент, телесные потребности, унаследованные предрассудки, игра воображения, захватывающая страсть. Не столько речи политиков и социально-философские постулаты эпохи, сколько эти аспекты, с его точки зрения, нуждаются в изучении.

В последовавшем разгуле хаоса, анархии и безначалия И. Тэн выделял центральную фигуру – обобщенный образ революционеров-якобинцев, требующий психологической интерпретации. Постоянно перевозбужденные до экзальтации и нарочито грубые, фанатичные и деспотичные, властители новой Франции прежде всего являлись для него «людьми с поверхностным воспитанием, ничтожными познаниями и неограниченным честолюбием, души которых были искалечены и извращены софизмами или зачерствели от гордости или были убиты преступлениями, безнаказанностью и успехом» [Тэн, 1907, т. 4, 83]. Вскормленные догмой о всемогуществе государства, они видели вокруг тысячи врагов и миллионы тех, кого легко заставить следовать за собой при помощи трескучих фраз, дерзкого напора и угроз гильотиной. Удручающая простота черно-белого мышления, целеполагания, методов, морали отличала тех, кто в своих собственных глазах представал не иначе как в образах «спасителей нации», «подлинных римлян» и «великих героев».

Характеризуя идеологию якобинцев, И. Тэн проникательно писал, что она предполагала подгонку всех и каждого под единый шаблон, согласно которому любой француз как некий «философский автомат желает свободы, равенства, народовластия, сохранения прав человека,

соблюдения общественного договора, этого достаточно, отныне воля народа известна, она известна вперед, так что можно действовать, не спрашивая мнения граждан» [Тэн, 1907, т. 3, 13]. А если учесть, что носители таких идей вращались в тесном и замкнутом кругу, куда не могли проникнуть противоположные представления, и где предусматривались жесткие санкции за инакомыслие, многое становится понятным в душевной организации революционных сектантов.

Их вожди рисовались автором мрачными красками. Так, Марат, в трактовке И. Тэна, являлся не более чем буйным сумасшедшим, страдающим бредом величия, паранойей и маниакальной склонностью к преступлению, Дантон по темпераменту и характеру выступал в качестве подлинного варвара, политического мясника, руководствующегося первобытными инстинктами, а Робеспьер выглядел ограниченным догматиком, аскетом и напыщенным педантом, охотно принявшим на себя роль палача. Эти вожди, по И. Тэну, способны были повлиять прежде всего на тех, в чей мозг новые понятия проникли «в виде кратких, строго определенных формул, например: “Религия – суеверие; монархия – узурпаторство; все священники – обманщики; все аристократы – вампиры; все короли – тираны и чудовища”. Подобные мысли, наполняя ограниченный ум точно огромный поток, вливающийся в узкое русло, производят в нем страшный переворот, ибо в данном случае не он управляет ими, а они поработают его» [Тэн, 1907, т. 3, 37].

Свойства толпы

Во многом находясь под влиянием И. Тэна, авторы первых теорий толпы наделили ее самыми негативными характеристиками [Сигеле, 1893; Тард, 1893; Fournial, 1892; и др.]. Проблема в том, что в предмет исследования французского ученого входили стихийные объединения, которые участвовали в интенсивном и продолжительном социальном конфликте. К методологически неоправданному переносу ключевых свойств революционной толпы на иные ее виды И. Тэн отношения не имел.

Каковы характеристики революционной толпы?

Согласно И. Тэну, она способна на быстрый переход от выражения пассивного протеста до совершения преступления, разумеется, если для этого предварительно создана социально-экономическая почва, сформировалась привычка к кровопролитию и, главное, толпа попала под власть экстремистов из революционной «секты». Развивая эту мысль, Г. Тард позже писал о том, что по отдельности группы политических экстремистов и протестующие толпы не представляют особой социальной опасности. Однако все меняется при их объединении, «Секты – это дрожжи толпы... достаточно слабой закваски злости для того, чтобы поднялось огромное тесто глупости» [Тард, 1902, 175-176].

Так как мышление этого «колоссального существа» отличается примитивностью и не критичностью, на первый план в понимании реальности выходит работа воображения: «по одному признаку, по одному слову оно строит свои воздушные замки или фантастические тюрьмы, и мечты кажутся ему столь же основательными, как и действительность» [Тэн, 1907, т. 1, 277]. Под влиянием коллективной фантазии мимолетные подозрения толпы переходят в полную уверенность, опасения доходят до отчаяния, а иллюзии страстно принимаются за истины.

Многочисленность собравшихся в сочетании с анонимностью и отсутствием личности ответственности порождают в толпе чувство всемогущества, требующее своего выражения в

разрушении и кровопролитии. «Чем более полно, радикально и быстро разрушение, – писал И. Тэн об участниках массового террора, – тем большее имеешь ощущение своей силы. Каково бы ни было препятствие, не хочешь ни отступить, ни остановиться, разрушаешь все преграды, называемые людьми здравым смыслом, человечностью, справедливостью и при этом чувствуешь удовольствие. Разрушать и укрощать становится громадным наслаждением» [Тэн, 1907, т. 4, 137].

Вслед за И. Тэном Г. Тард отнес к основным свойствам толпы такие неожиданные, на первый взгляд, характеристики как тщеславие, самомнение и высокомерие, в выраженности которых «народные скопища не уступали любому африканскому деспоту» [Тард, 1893, 4]. Многие он заимствовал и из описаний И. Тэном влияния салонных разговоров на общественное мнение и последующее поведение толпы [Тард, 1902]. Характеризуя в русле своего предшественника процессы растворения личности в народной массе и доминирование общей воли над индивидуальной, Г. Лебон почти буквально повторил фразу о песчинке «среди массы других песчинок, вздымаемых и уносимых ветром» [Лебон, 1896, 171]. Не менее высоко Г. Лебоном была оценена мысль о том, что толпа несет на себе отпечаток не только социального класса, но и расы составляющих ее индивидов. С. Сигеле, основываясь на ряде зарисовок И. Тэна и приведенных им свидетельств очевидцев, сформулировал тезис о преимущественной предрасположенности толпы к злу, агрессии и преступлению [Сигеле, 1893]. А. Фурниаль попытался развивать суждения, сделанные своим знаменитым предшественником, о воздействии на стихийные группы климатических и погодных условий [Fournial, 1892]. Все упомянутые исследователи приводили в своих работах мысли, уже высказанные ранее И. Тэном, об импульсивности толпы, ее переменчивости, легковерии, доминировании эмоций над разумом, а также о процессах заражения в ней, подчас достигающих масштаба социальной эпидемии.

Вожаки толпы

Представители коллективной психологии конца XIX – начала XX вв, как правило, провозглашали безграничность власти лидеров стихийных социальных объединений над мыслями, чувствами и действиями ведомых [Горбатов, Большаков, 2015]. В качестве исключения следует упомянуть лишь Л.Н. Войтоловского, утверждавшего, что не вожаки управляют толпой, а, напротив, толпа подчиняет их своей воле, наделяя авторитетом для выражения общих чувств и актуальных желаний [Войтоловский, 1912]. Изучение «Происхождения современной Франции» дает основания полагать, что в этом отечественный исследователь выступил последователем И. Тэна. В частности, тот писал: «Чтобы командовать ими, им нужно повиноваться, и их руководители всегда будут их орудиями ... сама шайка всегда ведет. Она всегда будет привязана, без всякого уважения к своим прежним патронам, к тому, кто больше всех будет потакать ее распущенности... и как только вожак будет не в курсе дня, они разобьют его как препятствие или отбросят его как ненужную вещь» [Тэн, 1907, т. 3, 197].

Опираясь на документы и суждения очевидцев, И. Тэн предвосхитил трактовку социальной принадлежности лидеров стихийных объединений сторонниками антрополого-криминалистического подхода в коллективной психологии [Сигеле, 1893; Тард, 1893; Fournial, 1892; и др.]. Согласно его выводам, научная новизна которых была отмечена историками [Герье, 1911], вожаками уличных толп неизменно становились маргиналы общества – «контрабандисты, фальшивые монетчики, браконьеры, нищие... бездомники, преступники,

разыскиваемые судами, дикие отчаянные бродяги, сбегавшиеся как волки, когда почуют добычу. Они-то и служат исполнителями и руководителями частной и народной мести... Они теперь стали вождями, так как при всяком сборище во главе становятся самые смелые и наименее совестливые» [Тэн, 1907, т. 2, 14-15]. Их узнают по «дикому облику», «странному акценту», «рваным отрепьям», но главное – «по их действиям, по стремлению разрушать ради разрушения» [там же]. Они становятся верными союзниками толп, временами выплескивающихся из Конвента и якобинских клубов под руководством фанатиков и доктринеров. Тех и других объединяет, по мнению И. Тэна, готовность к проявлению самой грубой силы, злоупотреблению кровопролитием и террором в желании продлить свою власть над чувствами и умами. «Переходящее всякие границы и ничем не сдерживаемое своеволие, непоколебимая вера в свои права и полное презрение чужих прав, энергия фанатика и тактика злодея – вот средства, дающие меньшинству перевес над большинством», – констатировал он [Тэн, 1907, т. 3, 39].

Как и последующие исследователи толпы, И. Тэн не видел принципиальной разницы в приемах социального влияния, применяемых в отношении завсегдатаев уличных сборищ, депутатов и зевак в парламентских собраниях, членов политических клубов или иных объединений. Во всех подобных случаях, по его мнению, оказываются полезны «эффектные звонкие фразы, где выставляются упрощенные, подтасованные и подделанные по желанию факты, словом, хмельное вино, отличное для разогревания энтузиазма» [Тэн, 1907, т. 5, 20]. Безудержно льстить, стараться влиять на чувства, а не на рассудок, повторять одно и то же самым авторитетным тоном, использовать лозунги вместо рассуждений, апеллировать к низким и пагубным страстям, подпитывать работу народного воображения ложными обвинениями, сомнительными известиями и внушаемыми иллюзиями – такова, по мнению И. Тэна, беспроектная тактика ораторов в эпоху общественных неурядиц. Следует подчеркнуть его несомненное влияние на Г. Лебона в разработке гипнотической модели коммуникации вожаков толпы [Лебон, 1896].

Вот, например, как автор «Происхождения современной Франции» характеризует речи одного из якобинцев: «У Сен-Жюста нет никакой логики, никакой последовательности, он топчется на месте, нанизывая друг на друга эффектные афоризмы, догматические аксиомы. Фактов в своих речах он никаких не приводит, он клеветает вполне очевидно, нагло, как базарный шарлатан на своей эстраде, он даже не старается придать своим клеветам тень правдоподобности... Своими властными фразами он наносит мощные удары» [Тэн, 1907, т. 4, 123]. Однако не только в этом И. Тэн видит секрет успеха вожака толпы. Он обращает внимание на то, что выступления подобных ораторов неизменно сопровождалась активностью крикливых клакеров, наемных или бескорыстных «фабрикантов энтузиазма», а также групп единомышленников, готовых насильем подавить протесты идейных оппонентов.

Что же касается их противников, то у них «нет физической мощи, которая может покорить этот бунт, нет грубого шарлатанства, который бы его очаровал и обманул, нет остроумия Скапена, который бы его рассмешил, нет крепкого лба, жестов бойца, глотки крикуна, одним словом, нет тех ресурсов энергичного темперамента и животной хитрости, которые одни способны отвратить ярость сорвавшегося с цепи зверя» [Тэн, 1907, т. 1, 118]. До тех пор, пока власть имущие не научатся конкурировать с вожаками толпы на их поле, активно защищаться и нападать, пропагандировать идеи и заражать энтузиазмом, они обречены на повторение однажды сделанных ошибок.

Заключение

Согласно И. Тэну, дальнейшее развитие общественной жизни невозможно без свободы самореализации личности. С одной стороны, для нее представляет опасность бюрократическая машина государства, исподволь стремящаяся унифицировать граждан под один шаблон, нивелировать личностные различия, превратив людей в полуавтоматы, способные к согласованным свыше действиям. С другой стороны, ничто так не подавляет личность как власть толпы, срывающая с нее налет цивилизации, заражающая чужими эмоциями, эксплуатирующая потаенные страхи и побуждающая к импульсивным реакциям антисоциального характера.

Существенность вклада И. Тэна в исследования стихийных социальных объединений неоспорима. В то же время он выступил основоположником, как минимум, трех тенденций, остановивших развитие коллективной психологии уже в середине XX века [Reicher, Potter, 1985; Stott, Drury, 2016; Горбатов, Байчик, 2018; и др.]. Имеются в виду попытки неоправданной патологизации бунтующей толпы, стигматизации ее вожаков [Schleicher, 2011], а также использование понятия расового начала для интерпретации причин ее деструктивной активности, концептуально чрезвычайно сомнительного [Whalen, 1999; Richard, 2013], но вполне соответствующего предубеждениям того времени.

Библиография

1. Войтоловский Л.Н. Очерки психологии коллективизма // Современный мир. 1912. № 9. С. 168-195; № 10. С. 174-195; № 12. С. 153-171.
2. Герье В. Французская революция 1789-95 г. в освещении И. Тэна. СПб.: изд. А.С. Суворина, 1911. 498 с.
3. Горбатов Д.С., Большаков С.Н. Теории толпы в российской психологической мысли конца XIX - начала XX вв. СПб.: Art-xpress, 2015. 108 с.
4. Горбатов Д.С., Байчик А.В. Критика теории толпы Г. Лебона: историко-психологический аспект // Вопросы психологии. 2018. № 3. С. 137-146.
5. Лебон Г. Психология народов и масс. СПб.: изд. Ф. Павленкова, 1896. 329 с.
6. Сигеле С. Преступная толпа. Опыт коллективной психологии. СПб.: изд. Ф. Павленкова, 1893. 116 с.
7. Тард Г. Преступления толпы. Казань: Типо-лит. Импер. университета, 1893. 44 с.
8. Тард Г. Общественное мнение и толпа. М.: тов-во А.И. Мамонтова, 1902. 202 с.
9. Тесля А. Воспитание историей французской революции // Тетради по консерватизму. 2017. № 2. С. 76-86.
10. Тэн И. Происхождение современной Франции / Пер. с фр. под ред. Я. Швырова. СПб.: Тип. П.Ф. Пантелеева, 1907. Т. 1. Старый порядок. 295 с. Т. 2. Анархия. 260 с. Т. 3. Якобинское завоевание. 228 с. Т. 4. Революционное правительство. 256 с. Т. 5. Новый порядок. 312 с.
11. Cantero E. Literatura, religión y política en la Francia del siglo XIX: Hippolyte Taine // Verbo. 2007. № 453-454. P. 219-264.
12. Fournial H. Essai sur la psychologie des foules: considérations médico-judiciaires sur les responsabilités collectives. Lyon: A. Storck, Paris: G. Masson, 1892. 113 p.
13. Reicher S., Potter J. Psychological theory as intergroup perspective: A comparative analysis of "Scientific" and "Lay" accounts of crowd events // Human Relations. 1985. Vol. 38. № 2. P. 167-189.
14. Richard N. Hippolyte Taine. Histoire, psychologie, littérature. Paris: Classiques Garnier, 2013. 316 p.
15. Schleicher R. Zur Psychopathologie der Französischen Revolution: Hippolyte Taine, Édouard Drumont, Gustave Le Bon // HeLix. 2011. Vol. 4. S. 50-64.
16. Stott C., Drury J. Contemporary understanding of riots: Classical crowd psychology, ideology and the social identity approach // Public Understanding of Science. 2016. Vol. 26. № 1. P. 2-14.
17. Whalen P. A racial interpretation of the French revolution in Hippolyte Taine's "Origins of Contemporary France" // Selected papers. Consortium on Revolutionary Europe, 1750-1850. Florida: Florida State University, 1999. P. 285-298.

The psychological nature of the crowd in the writings of H. Taine

Dmitrii S. Gorbatov

Doctor of Psychology, Associate Professor,
Professor of the Department of management in mass communications,
Saint Petersburg State University,
199034, 7-9, Universitetskaya emb., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: gorbatov.rus@gmail.com

Anna V. Baichik

PhD in Political Science, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of international journalism
Saint Petersburg State University,
199034, 7-9, Universitetskaya emb., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: annabaichik@gmail.com

Abstract

The article analyzes the understanding of the crowd by the French thinker H. Taine. Particular attention is paid to the characterization of his historical and psychological work “The Origin of Modern France” (1876–1893), as well as to the description of the key properties of spontaneous social associations during the period of revolutionary events, the interpretation of the images of leaders of the rebellious crowd and the presentation of tactics of their influence on the followers. The peculiarities of H. Taine 's perception of spontaneous groups are compared with the theories Of S. Sighele, G. Tarde, G. Le Bon, H. Fournial and L. N. Voitlovsky. It is noted that H. Taine had a significant influence on the content of theories of the crowd, which appeared in the late 19th – early 20th centuries. At the same time, it is stated that under the influence of his ideas, the first researchers of the phenomenon made several methodological errors. In particular, they wrongly extended the properties of the revolutionary crowd to other types of spontaneous associations, uncritically borrowed from their famous predecessor techniques of pathologizing the rebellious crowd and stigmatizing its leaders, incorrectly from a scientific point of view used the concept of race to explain the destructive activity of the masses.

For citation

Gorbatov D.S., Baichik A.V. (2020) Psikhologicheskaya priroda tolpy v trudakh I. Tena [The psychological nature of the crowd in the writings of H. Taine]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 9 (2A), pp. 157-165. DOI: 10.34670/AR.2020.59.14.018

Keywords

Crowd, crowd research, crowd properties, personality in a crowd, crowd leaders, revolutionary crowds, collective psychology, Hippolyte Taine.

References

1. Cantero E. (2007) Literatura, Religión y Política en la Francia del Siglo XIX: Hippolyte Taine. *Verbo*, 453-454, pp. 219-264.
2. Fournial H. (1892) *Essai sur la Psychologie des Foules: Considérations Médico-Judiciaires sur les Responsabilités Collectives*. Lyon: A. Storck, Paris: G. Masson.
3. Ger'e V. (1911) *Francuzskaya revolyuciya 1789-95 g. v osveshchenii I. Tena* [The French Revolution of 1789-95 in the Coverage of H. Taine]. Saint Petersburg: A.S. Suvorin Publ.
4. Gorbatov D.S., Bol'shakov S.N. (2015) *Teorii tolpy v rossijskoj psihologicheskoj mysli konca XIX - nachala XX vv.* [Theories of the Crowd in Russian Psychological Thought of the Late 19th - Early 20th Centuries]. Saint Petersburg: Art-xpress.
5. Gorbatov D.S., Bajchik A.V. (2018) *Kritika teorii tolpy G. Lebona: istoriko-psihologicheskij aspekt* [Criticism of the Theory of the Crowd of G. Le Bon: Historical and Psychological Aspect]. *Voprosy psikhologii* [Questions of Psychology], 3, pp. 137-146.
6. Le Bon G. (1896) *Psikhologiya narodov i mass* [Psychology of Nations and Masses]. Saint Petersburg: F. Pavlenkov Publ.
7. Reicher S., Potter J. (1985) Psychological Theory as Intergroup Perspective: A Comparative Analysis of "Scientific" and "Lay" Accounts of Crowd Events. *Human Relations*, 38 (2), pp. 167-189.
8. Richard N. (2013) *Hippolyte Taine. Histoire, Psychologie, Littérature*. Paris: Classiques Garnier.
9. Schleicher R. (2011) *Zur Psychopathologie der Französischen Revolution: Hippolyte Taine, Édouard Drumont, Gustave Le Bon*. *HeLix*, 4, pp. 50-64.
10. Sighele S. (1893) *Prestupnaya tolpa. Opyt kollektivnoi psikhologii* [The Criminal Crowd. The Experience of Collective Psychology]. Saint Petersburg: Yu.N. Ehrlich Publ.
11. Stott C., Drury J. (2016) Contemporary Understanding of Riots: Classical Crowd Psychology, Ideology and the Social Identity Approach. *Public Understanding of Science*, 26 (1), pp. 2-14.
12. Taine H. (1907) *Proiskhozhdenie sovremennoj Francii* [The Origin of Modern France]. Saint Petersburg: P.F. Pantelev Publ. Vol. 1. *Saryj poryadok* [Old Order]. Vol. 2. *Anarhiya* [Anarchy]. Vol. 3. *Yakobinskoe zavoevanie* [Jacobin Conquest]. Vol. 4. *Revolucionnoe pravitel'stvo* [Revolutionary Government]. Vol. 5. *Novyj poryadok* [New Order].
13. Tarde G. (1893) *Prestupleniya tolpy* [Crimes of the Crowd]. Kazan': Typo-lithography of the Imperial University.
14. Tarde G. (1902) *Obshchestvennoe mnenie i tolpa* [Public Opinion and the Crowd]. Moscow: A.I. Mamontov Publ.
15. Teslya A. (2017) *Vospitanie istoriej francuzskoj revolyucii* [Nurturing the History of the French Revolution]. *Tetradi po konservatizmu* [Conservatism Notebooks], 2, pp. 76-86.
16. Voytolovsky L. N. (1912) *Ocherki psikhologii kollektivizma* [Essays on the Psychology of Collectivism]. *Sovremennyj mir* [Modern World], 9, pp. 168-195; 10, pp. 174-195; 12, pp. 153-171.
17. Whalen P. (1999) A racial interpretation of the French revolution in Hippolyte Taine's "Origins of Contemporary France". *Selected papers. Consortium on Revolutionary Europe, 1750-1850*. Florida: Florida State University, pp. 285-298.